

Л.Ю. Кимова

Формирование в Красноярске центра изучения археологических памятников Сибири

Временное затишье в археологических исследованиях Сибири в период Первой мировой войны сменилось в 1919 г. их подъемом. На первый взгляд кажется невероятным возрастание интереса к археологии и формирование центров изучения археологических памятников в Сибири в годы Гражданской войны, но историческая ситуация в России сложилась именно так, что часть исследователей после Октября 1917 г. переехала в Сибирь. Для большинства ученых причиной отъезда в Сибирь явилось простое желание выжить. Здесь они хотели переждать репрессии, так как в Сибири, несмотря на повсеместные голод и болезни, до 1921 г. было прожить немного легче, чем в столицах. Гражданская война, несмотря на весь трагизм происходящих событий, ускорила процесс формирования новых археологических центров в Сибири. Э.И. Колчинский заметил, что беспрецедентный рост научных учреждений в этот период, это – прежде всего способ выживания науки в период кризиса [1, с. 404].

Положительно повлияли на значительное оживление археологических исследований в Сибири и такие факторы, как открытие в 1918 г. кафедры первобытной культуры и формирование школы археологов во главе с Б.Э. Петри в Иркутском университете, создание кафедры географии и антропологии в Томском университете в 1919 г. в связи с приездом в Томск С.И. Руденко и С.А. Теплоухова, деятельность в 1919–1921 гг. Г. Мергарта в Красноярске, а также приток молодых специалистов, учеников В.А. Городцова, в ряд сибирских музеев.

Формирование Красноярского археологического центра связано с работой музея Приенисейского (Красноярского. – *Л.К.*) края и деятельностью в 1920-е – первой половине 1930-х гг. таких исследователей, как Н.К. Ауэрбах, Г. Мергарт, Г.П. Сосновский, В.И. Громов, В.Г. Карцов, А.Ф. Катков. Они вели планомерные и результативные разведки и раскопки на Среднем Енисее, исследуя разнообразные памятники от эпохи палеолита до позднего средневековья, разрабатывали классификации археологических памятников края, изучали древнюю историю Сибири, систематизировали и активно пополняли коллекции музея. Для подготовки школьников к раскопкам был организован археологический кружок.

Как в Томске и Иркутске, так и в Красноярске на создание группы исследователей-единомышленников повлияли внешние условия. Годы военного лихолетья

свели в 1918–1919 гг. в одном музее сразу четырех исследователей: Н.К. Ауэрбаха, Г.П. Сосновского, В.И. Громова, Г. Мергарта, которые определили задачи и сформировали план археологических изысканий. Первые археологические исследования в течение пяти с половиной месяцев (с 27 апреля до середины октября 1919 г.) провели Н.К. Ауэрбах и Г.П. Сосновский, изучившие самые разнообразные памятники окрестностей Красноярска. В.Е. Ларичев отмечал, что «никогда со времен И.Т. Савенкова не велись здесь столь длительные, тщательные и широкие разведывательные работы» [2, с. 144].

Особо выделялся своими организаторскими способностями, многогранностью научных интересов и талантом педагога Н.К. Ауэрбах. Впервые о нем написал его младший коллега, В.И. Громов (1896–1978). Валериан Иннокентьевич Громов – уроженец г. Троицкосавска, «бывший студент Киевского университета, призванный на фронт в 1916 г., бывший выборный командир батальонной разведки, в 1918 г. мобилизованный в армию Колчака» – «был хорошо известен как страстный собиратель палеонтологических остатков и первооткрыватель Афонтовой горы II» [3, с. 4]. Он несколько лет подряд участвовал в раскопках Н.К. Ауэрбаха, дружил с последним и тяжело переживал потерю старшего товарища. В.И. Громов опубликовал в «Сообщениях ГАИМК» некролог по поводу кончины в 1930 г. Н.К. Ауэрбаха [4, с. 31–32], а в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея сохранилось жизнеописание Н.К. Ауэрбаха, составленное В.И. Громовым [5, л. 34–37].

Николай Константинович Ауэрбах родился 27 марта 1892 г. в семье горного инженера Константина Ивановича Ауэрбаха в с. Илеве Нижегородской губернии. В 1902 г. его отец занял должность управляющего золотосплавочной лабораторией в Красноярске, где Николай и получил классическое гимназическое образование [5, л. 34]. По окончании Красноярской мужской гимназии Ауэрбах свободно владел французским и немецким языками, хорошо знал русскую историю и литературу [6, с. 4]. В 1910 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, а в 1911 г. стал вольнослушателем на археологическом отделении Московского археологического института. Вероятно, интерес к археологии был не случаен, так как его отец многие годы являлся казначеем Красноярского подотдела РГО [7, с. 143].

Ауэрбах был учеником В.А. Городцова, который, как известно, занимал выдающееся место в русской археологии. Василий Алексеевич практиковал предварительные обсуждения тем диссертаций своих студентов на занятиях в Историческом музее. Обычно они проходили очень жарко, и Городцов подходил к ним строго. Впоследствии Николай Константинович вспоминал, как Городцов «по заслугам разнес» его диссертацию на подобном практическом занятии» [8, л. 1]. В 1914 г. после сдачи государственных экзаменов на юридическом факультете в университете и представления сочинения «Наказание фальшивомонетчиков в России до царствования Петра I» Н.К. Ауэрбах получил диплом 1-й степени. В этом же году он защитил в археологическом институте диссертацию на тему «Наконечники каменных стрел урочища Бор близ г. Красноярск» и получил звание «ученого археолога» [4, с. 31]. С началом Первой мировой войны пришлось отложить занятия археологией на несколько лет. Будучи освобожден от военной службы по сильной близорукости, Н.К. Ауэрбах поступил во Всероссийский союз городов и являлся старшим доверенным союза при Московской складочной таможне, заведующим с 1914 по 1915 г. выдачей медикаментов и перевязочных средств. В 1916 г. он перевелся во Всероссийский Земский союз и работал в Минске в Комитете Западного фронта в отделе детских столовых. После Октября 1917 г. Ауэрбах продолжал служить в Земском союзе до начала 1918 г. Когда Минск оказался под угрозой взятия неприятелем, он выехал в Красноярск. В 1918 г. Н.К. Ауэрбах был избран членом распорядительного комитета Красноярского отдела РГО и принят на работу в качестве сотрудника краевого музея [5, л. 34–35].

Г.П. Сосновский (1899–1942) родился недалеко от Брянска в г. Бежица. В годы обучения в Петроградском коммерческом училище он увлекся археологией и стал добровольным помощником Б.Э. Петри в археологическом отделе Музея антропологии и этнографии. В 1917 г., совершая разведки в окрестностях Петрограда, Сосновский открывает стоянку каменного века у с. Тархановки. После окончания училища в 1918 г. его направляют на службу в Ачинский округ на Ивановский золотой рудник [2, с. 143–144]. Здесь Г.П. Сосновский был избран в местный совет рабочих депутатов. В период Гражданской войны, «скрываясь от белогвардейских карательных отрядов», он в 1919 г. приехал в Красноярск и стал научно-техническим сотрудником музея Приенисейского края [7, с. 143]. В музее Г.П. Сосновский стал сразу же сотрудничать с Н.К. Ауэрбахом. На протяжении долгих лет их связывает дружба и неиссякаемый интерес к археологии.

С приездом в Красноярск Г. Мергарта, австрийского ученого с хорошей европейской подготовкой, активизировалась деятельность местных археологов.

Он оказал большое влияние на становление сибирской археологии. В Сибирь ученый попал не по своей воле, а в качестве военнопленного в годы Первой мировой войны.

Геро Курт Мергарт фон Бернегг (1886–1959) родился в семье австрийского офицера в Брегенце, где учился первоначально в народной школе, потом в гимназии, затем в привилегированном иезуитском колледже и в 1906 г. сдал экзамены с отличием на аттестат зрелости. После военной службы в 1907 г. Г. Мергарт поступил в Мюнхенский университет на факультет естественных наук, прослушал курс лекций по геологии, географии и «доистории» в университетах Вены и Цюриха, и в 1913 г. получил ученую степень по геологии как основному предмету, и географии, антропологии и «доистории» как сопутствующим. Свою профессиональную деятельность Г. Мергарт начал ассистентом Института антропологии и доистории в Мюнхенском университете у Иоганна Ранке. Один из последних учеников Г. Мергарта Г. Коссак отмечал, что в своей биографии, приложенной к диссертации, Г. Мергарт из академических учителей называл только ученых естественных наук: Р. Гертвинга (зоология), В. Рентгена (физика), А. Гейма и Ф. Зюса (геология). По «доистории» его учителями были Х. Обермайер и П. Райнеке [9, с. 332–335].

К началу Первой мировой войны Г. Мергарт как лейтенант запаса австро-венгерской армии был мобилизован на военную службу, в 1915 г. он попал в плен и был отправлен в Сибирь [10, с. 9]. В 1916 г. Мергарт, находясь в лагере для военнопленных в Канске, получил разрешение свободно перемещаться по городу и его окрестностям. Специалист, истосковавшийся по исследованиям, с этого времени он начинает приходить в недавно созданный Канский музей и работать в нем. Он приводит в порядок археологические коллекции периода неолита, а затем в летнее время обследует стоянки первобытного человека [11, л. 74].

Осенью 1919 г. Г. Мергарт был переведен в Красноярск заведующим археологическим отделом музея Приенисейского края. Директор музея А.Я. Тугаринов отмечал: «...Музей мог предложить названному лицу лишь самое минимальное содержание, едва обеспечивающее питание. Будучи специалистом по доисторической археологии, доктор посвятил свои работы пересмотру, фактической проверке и попутной реставрации всех соответственных коллекций, особенно остановив свое внимание на керамике. В частности, в одной из первых его работ был подбор коллекций по местному палеолиту» [3, с. 4].

Приступив к работе в музее, Г. Мергарт познакомился с музейными фондами и систематизировал необработанные археологические коллекции. Как специалист высокого класса он решил помочь Красноярскому музею в определении археологических памятников края и составлении перспективного плана

работ в Енисейской губернии. С ранней весны и до осени 1920 г. доктор Мергарт вместе с сотрудниками музея производил обследование Красноярского, Минусинского и Енисейского уездов. В апреле 1920 г. Мергарт совместно с Г.П. Сосновским провели археологические разведки в окрестностях г. Красноярска и осмотрели Афонтову гору и Ладейское городище. В мае исследователи посетили стоянки Базаиху, Монастырскую, Военный городок. Особенно плодотворной была археологическая разведка от Минусинска до Красноярска, в которой наряду с Г. Мергартом и Г.П. Сосновским принял участие еще один сотрудник Красноярского музея – В.П. Ермолаев. В ходе работ были осмотрены уже известные стоянки и открыты новые. Наиболее древние горизонты на открытых памятниках – Аешки, Кокорево, Лигостаево, Бузуново, Лепешкино, Борки, Потрошилово – датировались эпохой палеолита. На четырех последних стоянках и на поселениях у Лугавского, Батени, Шушь, Биря, Тагарское озеро, Комарково, Означенное, Каменка верхние культурные горизонты залегали непосредственно под дерном и были датированы эпохами бронзы, железа и средневековья. Тогда же Мергарт и Сосновский скопировали петроглифы на плитах могильника Туран, на скалах Тепсей и Георгиевской горы на р. Тубе. В ходе разведки Мергартом были раскопаны погребение у с. Лугавского и два тагарских кургана близ улуса Откина. Две поздние могилы XVII–XVIII вв. участники маршрута исследовали у д. Означенной [7, с. 144].

С 23 по 30 июля 1920 г. Мергарт и директор Красноярского музея А.Я. Тугаринов обследовали на правом берегу Енисея под Красноярском древнее городище Няша и обнаружили вал, окружавший это укрепленное поселение с юга. Они произвели раскопки и сняли план всего городища, по которому впоследствии была сделана его модель и выставлена в музее. В осыпи террасы на стоянке Няша исследователи собрали большую коллекцию подъемного материала эпохи неолита, бронзы и железного века. С 18 по 28 августа Мергарт и Тугаринов прошли на лодке маршрут от Красноярска до Енисейска и открыли стоянки в устье р. Кан и у с. Маклаково [7, с. 145].

Мергарт изучил археологические коллекции четырех музеев губернии: Красноярского, Канского, Минусинского и Енисейского. Итог своих исследований он педантично и очень четко изложил в годовом отчете отдела доисторической археологии музея. Согласно этому отчету в 1920 г. фонды музея Приенисейского края пополнились 13 коллекциями, состоящими из 4776 предметов, из них 2432 находки были собраны силами музея за полевой сезон, 2324 предмета были пожертвованы. Так, в музей поступило собрание В.А. Данилова из 1024 предметов, отнесенных Мергартом по большей части к минусинской бронзовой культуре, 95 предметов из коллекции П.И. Гадалова,

574 предмета из коллекции С.М. Сергеева и 333 предмета из коллекции Г. Мергарта, собранной на дюнных стоянках в окрестностях г. Канска. В качестве сравнительного материала музей получил коллекции из Тобольской и Иркутской губерний. Таким образом, к 1 января 1921 г. в отделе доисторической археологии в общей сложности насчитывалось 14686 предметов [12, л. 16–17]. Преобладающее количество материалов было получено из Минусинского уезда как в результате раскопок, так и сборов при обследовании дюнных стоянок. Менее значительный материал был получен из Красноярского, Енисейского и Канского уездов. Ачинский уезд археологически остался почти совсем не представленным. В течение полевого сезона 1920 г. были исследованы 40 дюнных стоянок и 10 лёссовых стоянок эпохи палеолита (причем 20 из них были обнаружены впервые), раскопаны два тагарских кургана с 14 погребениями близ улуса Откина и четыре отдельных могилы у села Лугавского и у деревни Означенной эпохи поздней бронзы и позднего средневековья. Участниками экспедиции были произведены измерения могильника с 76 курганами, нанесены на карту 64 подобных могильника, обследовано 5 городищ и зарисован план одного из них, до сих пор неизвестного (Туран), скопированы три группы петроглифов, раскопана плавильная печь у Тагарского озера [12, л. 16–17]. Изучение отчетов предшественников и музейных коллекций, произведенные раскопки и разведки дали возможность ученому представить довольно полную картину археологических памятников Енисейской губернии. Г. Мергарт уже в 1920 г. смог высказать некоторые соображения о развитии отдельных археологических периодов Сибири. Он считал, что «древний каменный век в Приенисейском крае был развит в несколько отличной от европейского форме и распространен в одной постдлювиальной степной фазе во всей южной части губернии». Оценивая все лёссовые отложения долины Енисея как одновременные и однородные, Г. Мергарт ошибся, и позже Г.П. Сосновским была доказана многослойность Афонтовой горы [2, с. 161]. Центром неолитической культуры, по мнению Мергарта, являлся Ангарский край, влияние оттуда стало определяющим при формировании неолита на севере Енисейской губернии. В средней части губернии неолит развивался в иной форме. Г. Мергарт одним из первых определил, что в Красноярском и Канском уездах существовала особая, отличная от Минусинского культурного очага, культура бронзы. Минусинскую бронзовую культуру он считал единственной высоко развитой из культур Северной Азии. По его мнению, она была уже хорошо представлена образцами типичных объектов [12, л. 18]. Но, к сожалению, в состав памятников минусинской бронзовой культуры он включил материалы не только поздней бронзы, но и железа (уже через год С.А. Теплоухов разделит археологические памятни-

ки и находки, причисленные Г. Мергартом к одной культуре, между тремя культурами: карасукской, минусинской курганной (тагарской) и таштыкской). Доктор Мергарт также отметил, что нет недостатка в материалах, дающих представление о железной культуре, на тот период менее изученной местными археологами. По его предположениям, период железа начинался со смешения элементов древнего бронзового века с новой утварью и новой техникой и продолжался без перерыва и без быстрых и резких изменений до исторического периода инородцев. Мергарт обратил внимание местных исследователей на некоторые пробелы в изучении археологических памятников региона. Музей Красноярского края был беден находками из Ачинского уезда и Ангарского края. Ученый считал необходимым в первую очередь исследовать эти контактные районы, по которым осуществлялись передвижения племен, например, через Ачинский уезд и «области скифских культур» в Минусинскую котловину и наоборот. Точно такие же процессы, по мнению Г. Мергарта, происходили в районе Ангарского бассейна, на который также необходимо было обратить внимание. Не менее важной задачей деятельности археологического отдела музея являлась, по определению ученого, систематическая инвентаризация всех памятников древности для их сохранения и дальнейшего изучения [12, л. 18–19]. Еще одним важным результатом деятельности Г. Мергарта явилось знакомство сибирских исследователей с западноевропейской методикой разведок и раскопок. Судя по письму Мергарта, посланному летом 1920 г. из Минусинска директору музея А.Я. Тугаринову, немецкий ученый был не доволен «неквалифицированной» помощью Г.П. Сосновского и заметил, что последний должен будет много учиться, прежде чем можно будет позволять ему действовать самостоятельно [13, с. 58]. Возможно, эти замечания Мергарта были вызваны несогласием Сосновского с его точкой зрения на одновременность всех палеолитических памятников в Красноярской лесостепи, но, вероятно, подобная критика подвигла бывшего конторского служащего на получение высшего образования и приобретение профессиональных знаний и навыков археолога. В 1920 г. Г.П. Сосновский переезжает в Иркутск, поступает в университет и начинает работать хранителем Иркутского музея.

Теоретически осмыслив полученный материал, Г. Мергарт выступил с предложениями об организации археологических исследований в Енисейской губернии, определив первоочередные задачи и основные направления деятельности археологического отдела музея. Во-первых, указывая на ценность археологических исследований в изучении бесписьменных периодов человеческой истории, Мергарт считал, что осуществлять подобные исследования могут только специалисты, подготовленные теоретически и

практически. Он отметил, что еще ни одна из стоянок в Енисейской губернии не раскапывалась и не исследовалась обученными специалистами. Г. Мергарт предопределил первостепенное значение Енисейского края для познания первобытного существования человека в Северной Азии: «Красноярск был первым пунктом в Северной Азии, который предоставил остатки наиболее ранней человеческой культуры», синхронной «остаткам четвертичного животного мира (например, мамонта)». Теперь перед местными археологами немецким ученым ставилась задача – выявить как можно полнее «всю совокупность и положение стоянок первобытного человека, пока вода и ветер не уничтожили их» [14, л. 1]. Мергарт указал на чрезмерную централизацию археологических коллекций, когда содержимое раскопанных памятников отправлялось в центральные музеи и «растворялось» там в массе материалов, и даже такому району Северной Азии, как юг Енисейской губернии, давшему миру неизмеримо «богатую оседлую бронзовую культуру», отводилась роль отдаленной провинции. Согласно его представлениям археологические материалы необходимо собирать в местных музеях и использовать в Сибири для научно-просветительских целей. Кроме того, он считал неизбежным следствием централизованной системы хранения и изучения древностей неясность в целом комплексе вопросов: 1. Каково соотношение между культурами каменного и бронзового веков в Сибири? 2. В чем кроется причина «гибели» минусинской бронзовой культуры? 3. Каковы способ, обстоятельства и время вытеснения бронзового века железным в Енисейской губернии? 4. Как происходила смена культурных течений при переходе от раннего железного века к развитому, а также существует ли связь железных культур с «современными туземцами Енисейского края»? [14, л. 1]. Эти вопросы стали программными для археологов Сибири. Мергарт изложил перед коллегами свою позицию о том, при каких условиях археологические богатства Приенисейского края могут быть сохранены и исследованы. Главное условие – это превращение музея не только в хранилище, где археологические находки будут очищены, консервированы, систематизированы, но в учреждение, где они будут живо, интересно и наглядно представлены высококвалифицированными специалистами. Согласно точке зрения ученого, археолог-профессионал должен сделать археологические материалы не только достоянием науки, но и через экспонирование в музее достоянием широких масс населения. Сотрудники музея должны вовлечь в работу по изучению и сохранению памятников древности как можно больше помощников. Для распространения достоверных сведений о прошлом края, о его археологических памятниках необходимо в первую очередь привлечь учителей, которые просветительской деятельностью потеснят «торгаша древностями». В ряде немецких

земель в начале XX в. существовали строгие законы об охране древностей любого вида, и Мергарт поделился информацией о действенности подобных юридических норм. Однако наиболее эффективным средством охраны памятников он считал просвещение народа [14, л. 2–3]. В музее после отъезда Г. Мергарта был создан список археологических памятников края, подлежащих охране [15], а Н.К. Ауэрбах, став ученым секретарем Общества изучения Сибири, сделал охрану памятников одним из главных дел своей жизни.

Г. Мергарт одним из первых среди ученых наметил предварительную схему развития культур Сибири, которую изложил перед своим отъездом в 1921 г. в Мюнхен, первым для сибирской археологии ввел в научный оборот термин «культура» [16, л. 27–34]. Уехав на родину, Г. Мергарт не оставляет изучение сибирских материалов и некоторые из поставленных проблем решает в монографии «Бронзовый век на Енисее» [17].

После разгрома армии А.В. Колчака большевистские власти сразу же стали выявлять людей, каким-либо образом причастных к сотрудничеству с бывшей администрацией. В связи с тем, что Ауэрбах имел неосторожность писать в газетах, выпускаемых правительством Колчака, в феврале 1920 г. он был переведен из музея в Норильскую экспедицию Сибирского геологического комитета. В конце 1921 г. Ауэрбах как совместитель попадает под сокращение, и это несмотря на то, что в музее после отъезда Г. Мергарта в Мюнхен он оставался единственным профессиональным археологом. Работа матросом, затем заведующим маячно-лодочным имуществом в Обь-Енисейском гидрографическом отряде, начальником базы гидроотряда в Красноярске не удовлетворяет его, и летом 1922 г. он записывает в дневнике: «... работу забросил, сижу на базе... мелькают мысли о самоубийстве...» [18, с. 56]. Николай Константинович имел сильный характер, и, несмотря на всю тяжесть ситуации, дух исследователя в нем преобладал. В этот период своей жизни он написал несколько работ: 1. Зимовье Малое в устье Промысловой (отчет о раскопках); 2. Материалы по колонизации низовьев Енисея (по данным архива Туруханского отдельного правления и монастыря); 3. Материалы по картографии низовьев Енисея; 4. Опыт анализа географических названий низовьев Енисея; 5. Троицкий Туруханский (краткий исторический очерк); 6. Материалы по истории Великой Северной экспедиции [5, л. 35].

В 1921–1926 гг. Н.К. Ауэрбах заведовал отделом доисторической археологии музея Приенисейского края и состоял членом коллегии музея на общественных началах, как писал В.И. Громов, «в порядке добровольчества». Зарабатывать на жизнь приходилось преподаванием в школе и техникумах [5, л. 35–36]. В 1923 г. в честь 40-летия открытия И.Т. Савенковым палеолита на Енисее ВСОРГО и его Средне-Сибирское отделение выделяют средства на иссле-

дования древнейших памятников у Красноярска [7, с. 146]. В 1923–1927 гг. Н.К. Ауэрбах исследует целую серию палеолитических памятников в долине Енисея. Совместно с Г.П. Сосновским и В.И. Громовым он в течение 1923–1925 гг. раскапывает поселение на Афонтовой горе и ряд других стоянок. В 1926–1927 гг. Ауэрбах и Громов производили раскопки Бирюсинской стоянки [19, л. 3; 20, л. 10–20; 5, л. 36]. Итоги работ стали сенсационными, раскопки имели международное значение. Кроме того, Н.К. Ауэрбах был не только хорошим специалистом в области полевой археологии, высокообразованный и широко эрудированный ученый, он много сделал в теоретическом осмыслении проблем палеолита Северной Азии [2, с. 137–230; 7, с. 147–149; 6, с. 6–7].

Организационный талант Н.К. Ауэрбаха проявлялся всегда ярко и помогал ему решать насущные исследовательские задачи. В частности, неизменно крайне мало средств выделялось на раскопки, и Николай Константинович привлек к этой деятельности учащихся Красноярска. Например, в 1923 г. в качестве рабочей силы использовалось свыше 300 человек. Под руководством Ауэрбаха в 1923 г. при школе №2 был создан археологический кружок, который действовал в течение четырех лет. Здесь сложился сильный коллектив, выпускался рукописный журнал, велась исследовательская работа [21; 22; 5, л. 35–36; 6, с. 6; 23, с. 11]. Н.К. Ауэрбах развернул широкую просветительскую деятельность в Красноярске. Члены школьного кружка активно участвовали в раскопках, вели пропаганду археологических знаний в городе [24, с. 77–79]. Ауэрбах поддерживал переписку с ведущими отечественными и зарубежными учеными, получая новую литературу и высылая местные издания. Приветствуя желание младших коллег углубить свои археологические знания, он ходатайствовал перед В.А. Городцовым о принятии Г.П. Сосновского и В.И. Громова в аспирантуру. Так, например, в 1923 г. Н.К. Ауэрбах писал В.А. Городцову о Г.П. Сосновском: «Нравится мне этот молодой человек, фанатик археологии. Ведя полуголодное существование в эти тяжелые годы революции, он не только не бросил любимое дело, но наоборот приобрел много знаний, восприняв и от Мергарта, и от Петри. Его мечта – поработать под Вашим руководством. ... Я знаю, что Вы не откажете Сосновскому и поделитесь с ним своим многолетним опытом, своей колоссальной эрудицией» [8, л. 8]. Через своего учителя Ауэрбах поддерживал научные связи с Москвой, просил В.А. Городцова оказать помощь с кадрами для сибирских музеев. По рекомендации последнего в Красноярск приехали В.Г. Карцов и А.Ф. Катков, а на обучение к В.А. Городцову отправлены лучшие ученицы по школьному кружку Н.К. Ауэрбаха Л. Нурк и Л. Протасова [8].

Много сделал Н.К. Ауэрбах и для организации краеведческой работы в Сибири. В 1927 г. он был

назначен ученым секретарем Общества изучения Сибири (ОИС), занимался координацией краеведческих исследований в регионе, в том числе и археологических, и охраной памятников истории и культуры. Именно благодаря его неустанной деятельности были установлены связи между археологами, проведена инвентаризация археологических коллекций в сибирских музеях, разработана инструкция по учету и охране археологических памятников, активно пропагандировались идеи по охране памятников [25]. Одним из направлений деятельности ОИС было издание научных трудов по исследованию края. Информативным органом Общества стал журнал «Сибиреведение». Большое значение в обобщении всех известных знаний о Сибири имело решение членов ОИС об издании Сибирской советской энциклопедии. Н.К. Ауэрбах являлся одним из главных координаторов по созданию Сибирской энциклопедии, в которой наряду со статьями по истории, экономике, географии и прочим отраслям знаний были напечатаны и статьи по археологической проблематике.

После отъезда в 1927 г. в Новосибирск Н.К. Ауэрбах не оставляет своих исследований на Среднем Енисее. Историческая ситуация, жизненные условия не дали ему в полной мере реализовать себя. Ученый, педагог, организатор, Ауэрбах раскрыл лишь малую часть своих способностей. Однако и то, что он сделал, является значительным вкладом в изучение сибирского палеолита, в становление Красноярского музея в 1920-е гг. в качестве центра археологических исследований Сибири.

1927–1934 гг. – период деятельности в Красноярском музее археолога Владимира Геннадьевича Карцова. Он приехал сюда по совету своего учителя В.А. Городцова.

В.Г. Карцов родился в феврале 1904 г. в Царском Селе под Петербургом. Он происходил из дворянской семьи. После обучения в гимназии и советской школе ему пришлось послужить в частях Красной армии. В 1925 г. Карцов поступил на исторический факультет I Московского университета, сразу же заинтересовался древней историей и впоследствии был избран председателем студенческого археологического кружка. Первые самостоятельные разведки по открытому листу он провел в бассейне р. Сетунь. Результаты работ были опубликованы в научном сборнике кружка МГУ в виде небольшой статьи «К материалам по составлению археологической карты Московской губернии» [7, с. 149; 26, с. 29].

В Красноярском музее археологи-предшественники уделяли основное внимание изучению стоянок каменного века, В.Г. Карцов сосредоточился на исследовании памятников эпохи металла. В течение двух сезонов 1928–1929 гг. им были обследованы правобережье Енисея по маршруту: с. Базаиха – с. Торгашино – с. Батой – с. Есаулово – с. Ладейки – д. Перевозин-

ская, и левобережье Енисея по маршруту: «Дачный городок» (бывш. Монастырь) – г. Красноярск – Военный городок – с. Коркино – с. Кобяково – с. Худоногово – с. Частоостровское, где зарегистрировано 4 городища, 14 стоянок, 3 пещеры, 35 курганов, один могильник и собран подъемный материал. В окрестностях Красноярска Карцовым были раскопаны Ладейское и Ермолаевское средневековые городища, стоянки Усть-Собакина и Есаульская позднетагарского времени и одновременные им коллективные погребения у сел Есаулово и Частоостровского, а также тагарский курган у Военного городка [27].

В 1929 г. В.Г. Карцов совместно с сотрудником Ачинского музея П.Е. Чернявским проводит обследование археологических памятников в Ужурском районе Ачинского округа, где ими было раскопано из четырех курганных групп 10 тагарских курганов, содержащих 15 погребений и средневековое Ачинское городище [28; 29].

Таким образом, исследования 1928–1929 гг. дали обширный материал: от отдельных находок эпохи ранней бронзы до многочисленных изделий раннего железного века и средневековья. Памятники эпохи металла изучались в комплексе, как погребения, так и поселения. Частично уже в отчетах и первых публикациях В.Г. Карцова мы наблюдаем попытки теоретического осмысления материала [30–32]. Наиболее полно результаты его исследований нашли отражение в работе «Материалы к археологии Красноярского края» [31]. В.Г. Карцов, составляя схему «доистории» края, находился под сильным влиянием взглядов Г. Мергарта, тем не менее в своей работе он использовал и некоторые идеи С.А. Теплоухова. Естественное ограждение (горы и леса) препятствовали, по мнению исследователя, массовому проникновению других народов извне, что создавало «...прекрасные условия для спокойного созревания культуры». Однако отрезанность красноярской культурной области от цивилизованного мира делала ее отсталой. Она воспринимала все мировые достижения через посредников. Влияния шли с юга из культурных центров Евразии через Минусинскую котловину и с северо-востока – с Ангары и Байкала. «Имея свою местную основу под перекрестным влиянием, главным образом этих двух лучей, и развивались культуры Красноярска» [31, с. 1].

Анализ собранных материалов позволил В.Г. Карцову разделить всю эпоху металла на три культуры: 1) красноярская палеометаллическая и раннеметаллическая культура; 2) культура средней поры неометаллической эпохи; 3) позднеометаллическая (ладейская) культура.

В работе, опубликованной исследователем, каждая культура имела описание памятников, на основе которых были выделены обряды захоронения, типологии инвентаря, предполагаемая хронология, характе-

ристики хозяйства и иногда очень кратко отмечены особенности общественного строя. Красноярская палеометаллическая культура была отнесена им к продолжительному промежутку времени от начала карасукской культуры до третьей стадии минусинской (тагарской) культуры. Однако в технике изготовления и форме керамики В.Г. Карцову удалось обнаружить некоторые черты афанасьевской культуры. Культуру средней поры неометаллической эпохи он называет также «посттагарско-красноярской культурой» и датирует ее I–VI вв. н.э. Позднее неометаллическая, или ладейская, культура существует с VII–X вв. до XIV в. [31, с. 22–58]. Исследователь считал, что для развития ранней металлической культуры в Красноярском районе была местная самобытная основа, но в то же время он не рассматривал палеометаллическую культуру как изолированную. Она «воспринимала» как «отдельные завозные вещи», так и элементы культур из Минусинской котловины и Ангаро-Байкальского района. Первенство во влиянии на раннем этапе Карцов оставлял за востоком, т.е. за Ангаро-Байкальской культурной провинцией [31, с. 21]. Он отмечал, что красноярская культура запаздывала в своем развитии, сохраняя множество архаических черт. Господство каменных орудий затянулось до появления железных изделий. Как и Г. Мергарт, В.Г. Карцов полагал, что красноярская культура была потеснена тагарцами, пришедшими на север под натиском тюркских племен. Малочисленность памятников показывает, что «...тагарцы, как самостоятельная этническая и культурная единица, не продержались тут долго». Карцов предполагал, что естественная ассимиляция тагарцев проходила в два этапа, сначала произошло их слияние с аборигенами, а затем со следовавшими за тагарцами носителями новой культуры [31, с. 21]. Общность черт в типологии каменных орудий, в формах и орнаментации керамики, в обрядах погребения привела В.Г. Карцова к мысли о том, что красноярскую культуру стоит рассматривать «...не как нечто самостоятельное, но только как местную фаццию (форму. – Л.К.), возможно, одной северо-сибирской культуры, быть может, даже с включением в нее и Дальнего Востока» [31, с. 26]. Получается «восточный культурный круг» Г. Мергарта, только в еще большем объеме. Ладейская культура, восходя своими корнями к более древним местным культурам, по мнению В.Г. Карцова, в основном «...уже резко отличается от них, имея свой специфический облик, значительно связывающийся с синхроничными культурами других областей». На востоке близки ей памятники культуры курумчинских кузнецов [31, с. 46]. Часто подчеркивая самобытность красноярских культур, В.Г. Карцов все же основным импульсом их развития считал внешнее влияние.

Очень важно, что к работе была приложена археологическая карта Красноярского края с описанием

физико-географических условий расположения памятников, их местоположения, метрических характеристик фортификационных сооружений, определены культурные отложения [31, с. 3–16]. Работа В.Г. Карцова стала не только первым обобщающим сочинением по археологии Красноярского лесостепного района, но и, как и прежде, остается единственным сводным археологическим трудом по данному региону. Многие выводы и наблюдения не потеряли своей актуальности до сих пор. Н.П. Макаров отмечает: «Если с характеристикой и датировкой красноярской культуры сегодня трудно согласиться, то изучение железного века и эпохи средневековья идет в регионе по линии, намеченной В.Г. Карцовым. Ни один археолог не может обойтись сегодня в своей практической деятельности без археологической карты, составленной исследователем. Все большую ценность приобретают материалы раскопок В.Г. Карцова, которые по-прежнему являются единственными источниками по ряду разделов древней истории красноярской лесостепи» [26, с. 31].

В 1932 г. научным сотрудником Красноярского музея становится Александр Федорович Катков, выпускник МГУ, ученик В.А. Городцова. Он готовился поехать в Сибирь еще в студенческие годы. В 1928 г. по просьбе В.П. Левашевой студент-археолог Катков был направлен В.А. Городцовым в Омский краеведческий музей для проведения археологических раскопок. В.П. Левашева осталась довольной его работой и в письме благодарила В.А. Городцова за помощника [33, л. 14–15]. В 1932 г. А.Ф. Катков раскапывает неолитическое погребение на Афонтовой горе. 1933–1934 гг. отмечены незначительными совместными археологическими исследованиями В.Г. Карцова и А.Ф. Каткова в окрестностях Красноярска, из них выделяются раскопки стоянок у деревни Солонцы и на острове Татышев [34; 35]. Эти исследования завершают деятельность В.Г. Карцова и А.Ф. Каткова в музее. Первый переезжает в Москву, второй погибает в экспедиции в 1935 г. в результате несчастного случая [36; 37]. Во вторую половину 1930-х гг. музей не имеет специалистов-археологов, и изучение памятников далекого прошлого края не производится. Эта деятельность возродится только во второй половине 1940-х гг.

В целом необходимо отметить, что в начале 1930-х гг. картина развития краеведения и археологических исследований провинциальных учреждений резко меняется. Концентрация краеведческих знаний в Обществе изучения Сибири (Новосибирск), его просветительская деятельность способствовали укреплению интереса к истории края, в том числе и к древней. Однако подъем краеведческого движения в стране наблюдался недолго. Государство публично якобы поддерживало его, но средств на краеведческую работу отпускало все меньше. В 1929–1930-х гг. многие краеведческие общества были ликвидированы, несмотря на то, что

Центральное бюро краеведения функционировало еще в 1930-е гг. Краеведы с собственным видением происходящих событий нарушали своими сведениями намеченную линию развития страны, и их данные были не нужны. Сгущались тучи и над Обществом изучения Сибири. Н.К. Ауэрбах тяжело переживал по этому поводу. Он не дожидаясь закрытия ОИС. Николай Константинович скоропостижно умер 12 декабря 1930 г. от инфаркта в поезде на станции Тайга, когда возвращался в Новосибирск из Томска после консультации врачей [38, л. 19]. ОИС было ликвидировано в 1931 г. как организация, не выполняющая установки партии и правительства и чрезмерно увлекающаяся археологическими и орнитологическими исследованиями. В начале 1930-х гг. по всей стране была произведена чистка многих музеев от якобы укрывающихся там «белогвардейских элементов».

Выхолощенные, скудные отчеты 1930-х гг. о работе сибирских музеев производят угнетающее впечатление. Музеи влачили жалкое существование. Многие из них лишились знающих специалистов, отсутствовала помощь от общественности, по сути дела, краеведческое движение было подавлено. Строгие правила строительства экспозиции по «марксистским» законам – «от первобытного коммунизма к светлому бу-

дущему» – делали похожими один музей на другой. Незначительное финансирование провинциальных музеев, отсутствие собственных помещений у многих из них довершают то трагическое положение, в котором они оказались. Практически все сибирские музеи, кроме Минусинского, к середине 1930-х гг. лишились археологов, что часто приводило к гибели в научном плане многих археологических коллекций. Археологические исследования проводились крайне эпизодически и носили рекогносцировочный характер. Если музеи и выполняли задания ГАИМК-ИИМК, то только по сплошному археологическому обследованию и составлению археологической карты своего края.

Уничтожение провинциальных археологических центров (Иркутск, Томск, Красноярск) означало ликвидацию базы для развития археологической науки в Сибири. Такую огромную территорию, как Сибирь, нельзя изучить лишь из Москвы и Ленинграда. Были уничтожены в ходе репрессий или удалены от дел специалисты, которые смогли бы не только сохранить богатые археологические коллекции музеев Сибири, но и преумножить и теоретически осмыслить накопленное. Для восстановления научного потенциала и воссоздания сибирских археологических центров понадобились многие годы.

Библиографический список

1. Наука и кризисы : историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И. Колчинский. – СПб., 2003.
2. Ларичев, В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии / В.Е. Ларичев. – Новосибирск, 1969.
3. Акимова, Е.В. Из истории Красноярской археологии (1919–1920-е гг.) / Е.В. Акимова // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 1995. – Ч. 1.
4. Громов, В.И. Николай Константинович Ауэрбах (1892–1930) / В.И. Громов // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. – 1931. – №2.
5. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). – Ф. 431. – Д. 120.
6. Буровский, А.М. Николай Константинович Ауэрбах (1892–1930). Наследие научное и социальное / А.М. Буровский // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т. 1.
7. Макаров, Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций / Н.П. Макаров // Век подвижничества. – Красноярск, 1989.
8. ОПИ ГИМ. – Ф. 431. – Д. 376.
9. Kossack, G. Gero Merhart von Bernegg (1886–1959) (Vorgesichtler) / G. Kossack // Marburger Gelehrte in der ersten Hälfte des 20 Jahrhunderts. – Marburg, 1977.
10. Detlowa, K. Briefe des Gero von Merhart nach Krasnojarsk und ein «Vorschlag betreffs der Organisation der archäologischen Erforschung des Jenissei-Gebietes» / K. Detlowa, H. Swozilek. – Bregenz, 2006.
11. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). – Ф. 794. – Оп. 1. – Д. 4.
12. Архив Красноярского краевого краеведческого музея (АКККМ). – Ф. 1600. – Оп. 1. – Д. 357.
13. АКККМ. – Ф. 1615. – Оп. 1. – Д. 372.
14. АКККМ. – Ф. 1813. – Оп. 1. – Д. 570.
15. АКККМ. – Ф. 1817. – Оп. 1. – Д. 574.
16. АКККМ. – Ф. 1601. – Оп. 1. – Д. 358.
17. Merhart, G. Bronzezeit am Janissei / G. Merhart. – Wien, 1926.
18. Ауэрбах, К.Н. Николай Константинович Ауэрбах. Начало научной деятельности (1918–1922 гг.) / К.Н. Ауэрбах, А.С. Вдовин, Н.П. Макаров, Н.П. Щербакова // Сибирский межвузовский сборник. – Красноярск, 1998.
19. АКККМ. – Ф. 1608. – Оп. 1. – Д. 365.
20. ГАКК. – Ф. 795. – Оп. 1. – Д. 28.
21. АКККМ. – Ф. 1815. – Оп. 1. – Д. 572.
22. АКККМ. – Ф. 1816. – Оп. 1. – Д. 573.
23. Смирнова, В.Б. Воспоминания о Николае Константиновиче Ауэрбахе / В.Б. Смирнова // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Т. 1. – Красноярск, 1992.
24. Ауэрбах, Н.К. Археологический кружок им. И.Т. Савенкова в Красноярске / Н.К. Ауэрбах // Сибирский педагогический журнал. – 1929. – №5.
25. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. Р-217. – Оп. 1. – Д. 65.
26. Макаров, Н.П. В.Г. Карцов как археолог / Н.П. Макаров // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 1992. – Ч. 1.
27. АИИМК. – Ф. 2. – Оп. 1. – 1929. – Д. 183.
28. АИИМК. – Ф. 2. – Оп. 1. – 1929. – Д. 171.
29. АИИМК. – Ф. 2. – Оп. 1. – 1929. – Д. 272.

Формирование в Красноярске центра изучения археологических памятников...

30. Карцов, В.Г. Ладейское и Ермолаевское городища / В.Г. Карцов // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. – 1928. – Т. 4.

31. Карцов, В.Г. Материалы к археологии Красноярского района / В.Г. Карцов. – Красноярск, 1929.

32. Карцов, В.Г. Ачинское городище. Причумыльский край / В.Г. Карцов // Сборник трудов Причумыльского музея.

– Ачинск, 1932. – Т. 1, вып. 1.

33. ОПИ ГИМ. – Ф. 431. – Д. 411.

34. Рукописный фонд библиотеки Красноярского краевого краеведческого музея (РФ КККМ). – Ф. 571(09). – №491.

35. РФ БКККМ. – Ф. 571(09). – №492.

36. АКККМ. – Ф. 1946. – Оп. 2. – Д. 54.

37. АКККМ. – Ф. 1947. – Оп. 2. – Д. 55.

38. ОПИ ГИМ. – Ф. 431. – Д. 394.